

ного воздействия (более плавного, замаскированного вытеснения). Но и в том, и в другом случаях происходит нарушение баланса между культурой традиционно позитивной и элементами (компонентами) наступающей культуры. В этом нарушении сбалансированного взаимодействия «культурных сил» могут быть потери. И, возможно, очень значительные, невосполнимые для социума.

Таким образом, нами в статье рассматривается актуальная, явная проблема, которую мы маркируем как «аналоговая культурная дискриминация». Для ее решения требуется высокое мастерство организаторов в системном структурировании и балансировке социальных (в том числе и образовательных) процессов. Так называемый революционный подход здесь видится неприемлемым. Есть риск подмены цифровизации (как организованной, прогрессивной, структурной перенастройки системы) «элементарной оцифровкой» (переводом того или иного объекта в цифровой двоичный код).

Библиографические ссылки

1. *Заболоцкий Н. А.* / Николай Заболоцкий. М. : «Э», 2017.
2. *Швыдкой М.* Двойное бытие // Рос. газ. 2020. № 29 (8083).
3. Эксперт-Урал. 2020. № 5–7 (818). С. 20–22.

О. И. Тарасова

Академия русского балета им. А. Я. Вагановой

Санкт-Петербург

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности трансформации человека, культуры, образования под воздействием информационно-цифровых и экранных технологий. Электронная устность требует новых компетенций и цифровой грамотности для повседневного человеческого бытия. Человеку цифровой реальности необходимы знания, умения, навыки доступа к информации и способности ее использования. Картина мира

завтрашнего дня связана с новым уровнем массовой грамоты и массовой грамотности.

Ключевые слова: информационная революция, культура, образование, виртуальная реальность, грамотность, мировоззрение, информационно-образная наркомания, цифровая культура, цифровая грамотность.

O. I. Tarasova

Vaganova Ballet Academy

Saint-Petersburg

ABOUT THE PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION AND SOCIETY

Abstract: the article discusses the features of human transformation, culture, education under the influence of digital information and screen technologies. Electronic oral health requires new competencies and digital literacy for everyday human existence. A person of digital reality needs knowledge, skills, access to information and the ability to use it. The picture of tomorrow's world is connected with the new level of mass literacy.

Keywords: information revolution, culture, education, virtual reality, literacy, worldview, informational-image drug addiction, digital culture, digital literacy.

Образование — информационно-когнитивное осознание бытия, выраженное в образно-символическом метаболизме — в каждую эпоху являет свои разные грани, подчиняясь логике социокультурного развития и многоуровневых взаимодействий. Современная цивилизация, основанная на приоритете технического, а не антропологического прогресса, существует в рамках экранной/виртуальной культуры. По сложившейся традиции экранную культуру рассматривают как принципиально новый способ взаимодействия, коммуникации, трансляции информации, социального опыта и культурных стандартов. Тотальное распространение виртуальных средств связи — мобильных гаджетов нового поколения — изменяет способ мировосприятия и миропонимания, приводит к тотальному изменению картины мира.

Современная цивилизация — это цивилизация экранной картины мира, экранного мировосприятия и мышления. Виртуальные СМИ обладают своей «магией» для стремительного развития глобальной культуры, глобального информационного пространства, сетевизации общества и глобализации образования. Виртуальное пространство становится новым структурирующим фактором развития цивилизации, а экранные изображения/представления — впа-янным, встроенным в разнообразные сферы деятельности человека, в разнообразные культурные пространства и процессы.

Изобретение алфавита предопределило развитие и человека, и его культуры. Появились текст и книга. Вторая информационная революция — изобретение книгопечатания — с огромным ускорением привела к расширению возможностей культурного поля и горизонтов сознания. Книгопечатание создало основу для школьных учебников массовой школы, для массового образования, развития массовой культуры [1, с. 16].

Водораздел между эпохой книги и эпохой экрана приходится на середину XX в. Во второй половине прошлого столетия культура столкнулась с экспансией визуальной коммуникации, с тем, что «средство есть сообщение» (М. Маклюэн). Компьютер — это не просто средство для вычислений, печати или связи, это средство для производства и переработки образов (У. Эко). Современный человек живет не в реальности, а в экранной интерпретации реальности. Все в более раннем возрасте ребенок осваивает технологии, «алфавит», книгу, медиа, у него формируется привычка к «компьютерной рациональности» и «(о)цифрованному мировоззрению». Все более раннее освоение технологий, с одной стороны, дает возможность доступа к экранной культуре и виртуальной реальности, с другой приобщает к информационному потреблению, при котором непосредственное видение реальности заменяется экранной картиной мира. Поэтому информационные революции XX–XXI вв. — это время, когда распространяется зрелищная доминанта реальности и ее экранная интерпретация [2, с. 23–28].

Постоянное производство текстов в пространстве культуры письменного типа ведет к перепроизводству информации и создает единственную экстенсивную стратегию развития системы —

умножение учебных курсов и изыскания технологий утрамбовки информации в формат учебного текста. Ориентация письменной культуры устремлена:

1) в прошлое;

2) на новости и эксцессы;

3) постоянное производство новых текстов создает возможность ускоренного устаревания информации, непригодности вследствие ее рассогласования с настоящим и будущим социальным временем. Возникающий феномен информационной избыточности оборачивается информационной убыточностью массового обучения.

Различение социального и физического времени возникает в эпоху первой информационной революции, т. е. в эпоху возникновения письменности. В эпоху электронно-цифровых технологий наступает тирания момента, человек, догоняющий ускорение НТР, вынужден привыкать не к самим переменам, а к скорости перемен. Изменение отношения ко времени и способности осмысления времени задается механизмом системы образования, потому что процесс обучения ориентирован на пролонгированную социализацию и инфантилизацию поколений. Система устроена таким образом, чтобы остановить процесс понимания, заменив его на формы запоминания, чтобы отказаться от «Дела мышления» (М. Хайдеггер), и заменить созидательные и творческие виды социопсихической деятельности на репродуктивные и потребительские [2, с. 173].

Ежедневное, вменяемое всем гражданам глобального социально-технического пространства обязательное (законодательно обязательное!) посещение школы и «отсидка» уроков отделяет детей от каждодневного мира культуры и опыта повседневности. Особый ритуал обучающего информационно-репродуктивного конвейера, обязательные посещаемость, присутствие на уроках, приобретение навыков интеллектуального потребления составляют скрытый учебный план системы образования.

В условиях перепроизводства информации возникает проблема качества интеллектуальной сферы, состояния интеллектуального пространства. На основе техно-информационной рациональности социальный кластер бизнеса стремится «сделать экономику знаний главным мотивом производства знаний, заменить знания

на новшества, отделить прикладные знания от фундаментальных, спасти общество потребления с помощью перехода от экономики масштабов (*economics of scale*) к экономике разнообразия (*economics of scope*). Поскольку бизнесу нужны новшества для их продажи и получения прибыли, то закономерно возникают претензии к ученым, которые не изобретают новшества, т. е. они не эффективны для экономики прибыли. В новой экономике знания отождествляются с новшествами, а в головы потребителей внедряется, что человек без использования новшеств неполноценен. Превращать новшества «в главный двигатель экономики, значит понижать интеллектуальный уровень человечества, толкать его в тупик» [3].

Возникает закономерный вопрос: сохраняется ли у социотехнического индивида непосредственный доступ к знанию и знаниям, в отличие от приобретаемых социотехнических навыков информационно-коммуникативного взаимодействия в техносфере. В современных теориях, посвященных «информационному обществу», «обществу знаний», как правило, утверждается, что знания и информация выступают основным ресурсом постиндустриальной экономики и инновационного способа развития общества. Но, «по сравнению с другими традиционными общественными ресурсами, знание обладает некоторыми специфическими характеристиками, которые редко анализируются современными теоретиками — это его уникальность в отличие от товаров, на которые существует рыночная цена, а также его избирательность. Под последней особенностью имеется в виду доступность знания только тем, кто может по своим способностям или своему образованию его усвоить, а значит, обладать знанием и его использовать.

Данное положение теории постиндустриального развития, к сожалению, было из-за соображений политкорректности проигнорировано как у нас, так и на Западе. А ведь именно оно вскрывает внутреннюю противоречивость современного общества. Получается, что все развитие человечества шло от борьбы за конкурентные ресурсы (капитал, земли, недра) к ситуации, когда основной ресурс — знание — общедоступен, но далеко не все могут его использовать. Из этого следует важный вывод: массовое создание новых знаний (как и распространение знаний посредством образования)

автоматически не обеспечивает развития общества, а залогом движения вперед является использование и применение знаний [4].

Существует программа «Цифровая экономика», согласно которой к 2025 г. система образования должна будет готовить грамотных пользователей современных информационно-цифровых технологий, обладающих всеми необходимыми для XXI в. разнообразными компетенциями. Грамотность как изначальное владение технологией — от алфавита до компьютера и азов программирования. Цифровая грамотность — это новые реалии образования. Цифровая грамотность предполагает знания, умения, навыки создавать и использовать контент с помощью виртуальных и цифровых технологий, качество поиска и обмена информацией, коммуникацию между людьми в пространстве сетевого общества и различных онлайн-сообществах, использовать информационно-цифровые навыки для своего саморазвития. Важнейшим навыком цифровой грамотности ближайшего будущего должно стать не только умение создавать и распространять медиаконтент, но и умение использовать цифровые технологии для саморазвития.

В системе образования, чтобы выпускники соответствовали требованиям эпохи цифровых технологий, необходима реорганизация учебного времени для обучения не только культуре потребления информации, пользовательского уровня, но и обучения «творческой цифровой грамотности», для развития способностей самообучения, самоорганизации, стратегического планирования и даже самомотивации.

Еще на рубеже столетий в науке возникло понимание проблемы «информационно-образной наркомании». И то, что опасность не в «экранной реальности», а в том, что современный человек, восприятие которого воспитано «видеорядом», готовыми телевизионными картинками, перегружен готовыми образными структурами, несущими зачастую неадекватную интерпретацию событий, и лишается способности к самостоятельной их оценке. Перенасыщение сознания упакованными «смыслами», готовыми к употреблению «истинами», стереотипами, идеологемами провоцирует утрату психикой способности самостоятельно генерировать образы.

«Фактически здесь речь уже идет об информационно-образной наркомании» [5].

И культура в целом, и человеческое сознание в частности испытывают значительные перегрузки от воздействия экранной культуры. Понятно, что письменное и печатное слово уступает свои позиции готовому видеоряду, готовой виртуальной экранной картине мира. Представляется возможным говорить о необходимости равновесия между экранной и книжной культурами, и необходимости их творческого и гармоничного сочетания. Компьютер может быть не только игрушкой, отбирающей жизненное время, но и способом самообразования, создающим потенциал времени жизни. Поэтому современному человеку, для того чтобы отвечать на вызовы времени, необходимо сочетать в себе и традицию, и новаторство, и глобальное, и национальное. Ему необходимо владеть современными языками двух разных культур и разных эпох — и эпохи книги, и эпохи компьютера. И языком антропологии, и языком технологии.

Библиографические ссылки

1. Долженко О. В., Тарасова О. И. Образование: от масс-медиа к «Урокам бытия» // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 12–17.
2. Тарасова О. И. Антропологический кризис и феномен понимания. Волгоград : ВолГУ, 2009.
3. Макаров В. Л. Становится ли человеческое общество стабильнее // Вопросы философии. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=184&Itemid=52 (дата обращения: 15.01.2018).
4. Кочетков В. В., Кочеткова Л. Н. Этос креативности и статус инженера в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ // Вопросы философии. 2013. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=786&Itemid=52 (дата обращения: 15.01.2019).
5. Калмыков, А. А. Введение в экологическую психологию : курс лекций. М. : МНЭПУ, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://21next/capital.ru> (дата обращения: 11.11.2009).